

ПРОЛОГ

Собаки настигали.

Акста закрыла глаза, расплела стягивающийся узел звуков на отдельные пряди собачьих голосов: три десятка псов в четверти мили от нее. Она мысленно проверила все изгибы и препятствия на пути — более полусотни, — по давней памяти сравнивая изгибы местности и представление о том, как распространяется на ней звук.

— Заглотили наживку, — сказала она. — Четыре группы.

Она указала в ту сторону, откуда они пришли: за расколотые валуны, за плотные и высокие ельники, за обомшелые стволы рухнувших могучих сосен.

— Там и там. И там, и там.

Сос не обернулся. Он не отрывал взгляда от просвета между деревьями, от надвое рассекавшей небо блестящей башни. Если Акста правильно расставила силки, охранять подножие осталось менее сорока смертных, а за спинами смертных внутри немыслимого сооружения укрывались их запертые в людских шкурах боги.

В ветвях над ними четырежды прострекотала сойка — и смолкла.

Акста натянула лук, приготовила последние стрелы. Знай она заранее, что произойдет, знай она, что людские боги сойдутся в одном месте в одно время, наладила бы ловушку понадежнее. Но откуда ей было знать? Они с Сосом — выйдя совсем по другому делу — случайно наткнулись на охрану. Не было времени возвратиться и известить жалкие остатки кшештрим. Не было времени даже заготовить побольше стрел.

— Ты атакуй, а я прикрою, — сказала она. — Но у них тоже луки.

— Я пройду между стрелами, — кивнул Сос.

Звучало это неправдоподобно, но Акста такое уже видела. Она лучше его брала след, лучше командовала войсками, лучше двигала фигуры на доске, но в лабиринте битвы никто не мог сравниться с Сосом. Он в одиночку перебил целый людской гарнизон в Пальян-Кваре. В темном лесу затянувшейся на целую зиму битвы у Первой Сосны он держал весь западный фланг кшештрим — скользил между стволами и тенями, день за днем, неделю за неделей прореживая силы людей, пока изнуренный враг не обратился в бегство. Сос вел сражение, как картограф следует собственной идеальной карте в мире слепых, растерянных, заблудших.

Два его меча выскользнули из ножен — Акста проследила лунные дуги их взмахов.

Сос, единственный из кшештрим, дал оружию имена. Один меч он назвал Ясностью, другой — Сомнением. Когда-то, тысячи лет назад, она видела, как он с этими самыми клинками выстоял против трех неббарим.

— Как ты их различаешь? — спросила она (мечи казались одинаковыми).

— Один тяжелее, другой острее.

В двух шагах от нее на резной лист папоротника опустилась бабочка, сложила иссиня-черные крылышки. Тысячу лет назад Акста уделила столетие изучению бабочек. Такой в ее каталоге не было.

— Который где? — спросила она, вновь повернувшись к воину.

— Я не решил.

— Странно: ты допускаешь существование имен без связи с миром?

Сос пожал плечами:

— Такова речь.

Акста уделила часть сознания размышлению над его словами. Будь у них больше времени, она бы поспорила с Сосом, но время кончилось. Сквозь собачий лай она слышала людей с оружием. Акста снова повернулась к башне.

— Если мы сегодня уьем их богов, то победим. Так считает Тан-из. Вместе с ними мы вырежем из мира гниль, испортившую наших детей.

Сос кивнул.

Бабочка сорвалась в полет.

— Что ты станешь делать, если война закончится? — спросила она.

Мечник никогда не занимал долгие годы жизни описанием бабочек.

— Готовиться.

— К чему?

— К новой войне.

Акста склонила голову к плечу, удивляясь, как он упустил из виду такой простой факт:

— Если мы сегодня победим, людей не останется.

Сос оглядел древние клинки, как оглядывают чужую вещь, изделие неведомого назначения — может быть, орудие земледельца или ремесленника.

— Война будет всегда.

Он мгновенно прорезал ошеломленный кордон людей, ступая из безопасности в безопасность, словно заранее изучил план битвы, словно неделю обдумывал свой курс сквозь кровавую схватку. Акста следовала за ним: перерезала горло женщине, подсекла колени бородатому мужчине — и вот они внутри.

Конечно, кшештрим изучили башню. Долгие годы до войны она стояла полой: несокрушимая сияющая скорлупа из неведомого историкам прошлого. Теперь она не пустовала. Люди застроили внутреннее пространство прочными деревянными лесами, врубая в лапу могучие сосновые бревна, а в их клетки провели уходящую выше и выше к свету грубую винтовую лестницу.

За спиной Аксты в дверь хлынули солдаты — завывали, орали. Сос убивал их выверенными движениями работающего над шедевром мастера. Акста стала подниматься. Где-то наверху в ослепительном сиянии скрывались боги: Хекет и Кавераа, Эйра и Матат, Орелла и Орилон, чьи прикосновения загрязнили ее народ, чья порча обратила кшештрим в животных наподобие тех уродливых созданий, что теснились сейчас внизу, бились в оборону Соса, напарывались мягкими шеями на его клинки.

Акста ползла вверх, словно увязшее в солнечном янтаре насекомое, — казалось, ее непрерывное движение было равно неподвижности. Она не представляла, зачем собрались здесь боги, не знала, зачем люди так долго трудились над постройкой лесов

и винтовой лестницы. Ее горячее сердце разгоняло кровь по жилам, а разум взвешивал вероятности. Рассудок пасовал перед преградой. Отказывали и логика, и дедукция. Знание только и может расти из корней факта, и потому она продолжала подъем.

Достигнув вершины, Акста шагнула из света в свет. Сос отставал от нее на шаг. Тучи затянули небо гладкой синей бронзой. На широкой верхней площадке боги — все шестеро: могучий, как бык, исполосованный шрамами Хекет; тонкий, как змеиное шипение, Маат; Орелла с Орилоном, одна блее кости, другой темнее бури; Кавераа с длинными ногтями; пышноволосяя, хрупкая, как девочка, Эйра — лежали неподвижно, закрыв глаза.

Ветер порезался о нагие лезвия Соса.

Акста не шевельнулась.

Наконец мечник вложил один из клинков в ножны и, встав на колени, коснулся пальцем горла Хекета, а затем и других.

— Мертвы, — заключил он, вставая над трупами.

Мертвы... Акста поворочала в сознании эту мысль, испытывая ее, как весенний лед. Десятилетиями эти боги, избрав для себя человеческие оболочки, ходили по миру. Тан-из сумел захватить и убить двоих, но остальные выжили и не давались в руки. Благодаря этому выжили и смертные.

— Нет, — сказала Акста.

Сос вопросительно выгнул бровь.

— Это человеческие тела, — пояснила Акста, — жившие в них боги ушли.

Воин убрал в ножны и второй меч.

— Куда? — спросил он.

— Туда, откуда появились. — Она всмотрелась в безжизненные хрупкие тела. — Странно. Ведь они почти победили.

— Нет, они не почти победили, — покачал головой Сос.

Акста повернулась к нему:

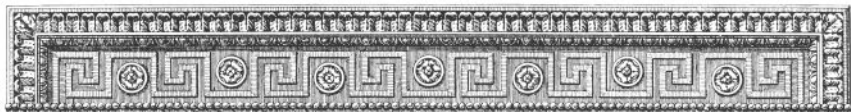
— Они захватили все главные крепости, держат все дороги. Нас осталось несколько сотен. Кто-то из людей научился даже использовать кента.

— Они не почти победили, — сказал Сос. — Они уже победили. Вот почему ушли их боги.

Они победили.

Акста искала доводы против и не находила.

Уродливые тела у ее ног, носившие этих уродливых богов, просто мясные туши, уже подгнивали на ярком солнце.

I

Человек ростом с гору по пояс в воде пересекал Мировой океан. На солнце блестели начищенные клинки — каждый мог одним ударом сровнять с землей город. Сапоги крошили в щепень хрупкую линию побережья с рыбацкими поселениями, проминали кратеры в мякоти зеленых полей Сиа и Креша.

«Вот и конец света», — подумалось созерцавшему катастрофу с высоты Кадену.

Что ни говори, город — всего лишь камни, лес — пропитанная соком древесина. А что такое речные русла, как не порезы на земле? Приложи достаточное усилие — мир исказится. Хребты и долины ничего не значат. Приложи достаточное усилие, и ты расколешь утесы, снесешь горы, сорвешь и рассыплешь по волнам каменные основания материков. Наноси побольше воды — будет потоп. Потоки изменят линии берегов и те жалкие границы, которыми люди обозначают свои царства, свои крошечные империи; наводнения разом уничтожат целый свет.

«Нет, — тут же поправил себя Каден. — Это не целый свет. Просто карта».

Огромная карта, что правда, то правда — размером с небольшой воинский плац, — самая дорогая карта на свете, заказанная тщеславной Аннурской Республикой для палаты совета, но всего лишь карта. Легионы ремесленников круглосуточно трудились над ней долгие месяцы: каменщики обтесывали горы и прибрежные скалы, садовники высаживали бесчисленное множество трав и искусно искривленных крошечных деревьев, инженеры-гидравлики направляли по руслам реки, ювелиры гранили сапфиры для горных озер, стекло и алмазы для ледников.

Карта раскинулась на всю длину зала: около двухсот футов от края до края. Гранит для Костистых гор доставили из Костистых гор, красный камень для Анказа — из Анказа. Скрытые под поверхностью насосы наполняли великие реки Вашша и Эридрои — Ширван, Вену, Агавани и Черную — и еще десятки потоков, которых Каден не знал поименно, направляя их между высокими берегами, разгоняя по старицам, заполняя миниатюрные пропасти, заливая луга из мягких зеленых мхов и сливая наконец в маленькие моря и Мировой океан, воды которых хитроумное устройство заставляло вздыматься и отступать в такт движению луны.

Проходя по проложенным сверху мосткам, можно было разглядывать изумительные копии больших городов: Олона и Сиа, Домбанга и Изгиба. Сам Аннур растянулся на длину руки Кадена. Он различал искрящиеся грани храма Интарры, широкую дорогу Богов с фигурками изваяний, совсем крошечные каналы лодки в водах Пруда, крутые красные стены Рассветного дворца и копьем взметнувшуюся выше мостков, так что вершины можно было коснуться не нагибаясь, башню Интарры.

Карта напоминала людей, день ото дня сходящихся над ней: такая же роскошная и такая же мелкая. До сего дня она служила лишь одной цели — позволяла восседающим над ней почувствовать себя богами. Для того они и хранили ее, словно мир грез, не позволяя замарать знаками своих поражений.

На северных границах не ярились пожары. На юге не горели города. Никто не топтал копытами травы Гана и не блокировал изнемогающий порт Кеон-Канг. Крошечные фигурки, изображавшие легионы изменницы Адер и более многочисленную республиканскую гвардию, подчиненную совету, стояли, воздев мечи в позах вызова или торжества. Они, эти поддельные человечки, всегда держались на ногах. Они не истекали кровью. Бедствия войны не касались карты. Видно, не нашлось в Аннуре ремесленников, чтобы изобразить голод, опустошение и гибель.

«Не нужны нам ремесленники, — думал Каден. — Нам нужны солдаты в тяжелых сапогах в напоминание о том, что мы натворили, как втоптали в грязь наш маленький мир».

Внезапное вторжение сделало картину вернее и точнее, но солдаты не для того ворвались в зал, чтобы придать правдоподобия изысканнейшей из карт. Каден перевел взгляд с разрушений

внизу на группу вооруженных людей, заполонивших мостки. Эдолийцы. Охрана властителей Аннура.

Монашеская выучка не помогла — у Кадена свело живот. Ясно, что-то стряслось. Иначе Маут Амут — первый щит гвардии — не приказал бы своим людям прервать закрытое заседание совета. Это не учения. На каждом солдате была сверкающая броня в половину его веса, и каждый обнажил широкий клинок. Гвардейцы, перекликаясь, растекались по залу, оцепляли его, загоразживали двери, чтобы никто не ворвался... или не вырвался?

Половина членов совета вскочила на ноги, заполошно спотыкаясь о полы длинных мантий, заливая вином шелковые одеяния, громко вопрошая или испуганно вскрикивая. Другие приросли к креслам, округлив глаза и разинув рты в усилии найти смысл в разворачивающейся перед ними безумной картине. Каден не думал о них, следя за эдолийцами.

За этими воинами в памяти Кадена вставали другие эдолийцы: те, что беспощадно прорубали себе дорогу через Ашк-лан, убивали монахов, а самого Кадена гоняли по горам, как охотничью добычу. После возвращения в Рассветный дворец он несколько месяцев перебирал дела оставшихся гвардейцев, выискивая в их прошлом намек на измену, на связь с Адер или с ил Торней. Всю гвардию отстранили от службы, пока сотни клерков вгрызались в историю тысяч солдат, и наконец совет, уволив более сотни, вернул доверие остальным. Каден напоминал себе об этих предосторожностях, но плечи все равно сводило от напряжения.

«Должно видеть мир, — напомнил он себе, медленно вдыхая и выдыхая воздух, — а не свое представление о мире».

Две дюжины эдолийцев, пробежав по мосткам, окружили стол совета.

Каден, вставая, усилием воли отстранил страх.

— Что происходит?

Голос, вопреки всему, прозвучал твердо.

Вперед выступил Маут Амут. Эдолийцы, яростным штурмом захватив зал, замерли по местам. У берегов на карте плескались волны — крошечные цунами. В высокие окна беззвучно вливались теплые солнечные лучи, играли на доспехах и на клинках. Члены совета разом замолчали, замерли статуями в тех позах, в которых их застали врасплох.

ХРОНИКИ НЕТЕСАНОГО ТРОНА

— Вторжение, первый оратор, — угрюмо ответил Амут, шаря глазами по дверям и стенам. — Вторжение во дворец!

Каден обвел глазами зал:

— Когда?

— Точно не знаем, — покачал головой Амут.

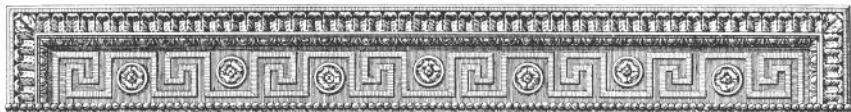
— Кто?

Первый щит поморщился:

— Кто-то быстрый. И опасный.

— Насколько опасный?

— Настолько, чтобы проникнуть во дворец, незамеченным пройти в Копье Интарры, справиться с тремя моими эдолийцами и бесследно скрыться.

2

Ночь — чужая страна. Так всегда казалось Адер уй-Малкениан — мир после захода солнца становился другим. Тени стесывали острые углы, превращали привычные комнаты в незнакомые. Тьма высасывала краски из самых ярких шелков. Луна серебрила воды и стекло, зажигала холодным светом простую материю дня. В мерцании ламп — вот как эти две, что стояли перед нею на столе, — мир качался и метался вместе с запертыми в них огоньками. Ночь пугающе преображала самые знакомые места, а эти холодные палаты в каменной крепости на краю Эргада она едва ли могла назвать знакомыми. Адер прожила здесь почти год, но даже днем не чувствовала себя желанной гостьей под надежным кровом. Ночь уносила ее еще дальше в чужой, суровый варварский мир.

И голоса ночи требовали перевода. Утром шаги по коридору звучали обыденно: слуги и работники шли по своим делам. Крик в полдень — просто крик; крик в ночи мог возвещать об опасности, о катастрофе. Днем крепостной двор под окнами кишел людьми, а после закрытия ворот обычно затихал, потому, услышав стук подков по мостовой, подхваченную ветром отрывистую команду, Адер резко отставила письменный прибор, чтобы не залить листы чернилами, и с бьющимся сердцем шагнула к закрытому окну.

Гонец в полночь — совсем не то, что гонец в полдень.

Она задушила в себе страх, открывая ставни и подставляя холодному воздуху севера вспотевший лоб. Всадник в такой час мог означать все, что угодно: ургулы переправляются через Чер-

ную, ургулы уже перешли реку, дикари Длинного Кулака жгут приграничные селения или его безумный лич Балендин превращает ужас народа Адер в новый мерзкий кеннинг. Всадник мог возвещать о ее поражении. Мог нести весть, что все пропало.

Она окинула задумчивым взглядом реку — Хааг, прорезающий на пути к югу высокие городские стены. Она различала каменные арки единственного моста, но часовых в темноте не видела. Глубоко вдохнув, она расслабила опиравшиеся на подоконник руки. И поняла, что почти готова была увидеть ургулов, штурмующих мост в четверти мили от нее, увидеть осадное войско.

«Потому что дура», — угрюмо сказала она себе.

Если бы Балендин с ургулами взломали оборону Рана ил Торньи, стук копыт по мостовой был бы не единственным звуком. Адер перевела взгляд на двор под окном.

Эргод был стар — стар, как сам Аннур, а избранный ею замок служил резиденцией королей южного Ромсдаля задолго до возвышения империи. И замок, и городские стены выглядели на все свои годы. Строители хорошо знали свое дело, но Эргаду более века не приходилось обороняться, и сейчас Адер видела прогалы в рядах бастионных мерлонов, трещины от разъедавшего строительный раствор льда, пустоты на месте сорвавшихся в реку плит. Она приказала восстановить стены, но каменщиков не доставало, и они были нужнее ил Торнье на востоке, где кенаранг месяц за месяцем сдерживал напор ургулов.

Луна бросила на камни дворца зубчатую тень южной стены. В тени спешивался гонец — Адер различала его силуэт и силуэт лошади, но не видела ни лица, ни мундира. Она попыталась угадать что-то по его осанке, по развороту плеч понять, что сулит доставленное им сообщение.

Ночную тишину разбил тихий плач — младенец захныкал в задней комнате. Адер, поморщившись, повернулась к двери, за которой ворочался в колыбельке Санлитун уй-Малкениан — второй из носивших это имя. Его разбудил цокот подков или проникший в комнату холод. Адер торопливо подошла в надежде, что сын не совсем проснулся, что его угомонят ласка и несколько слов, что он снова задремлет, позволив ей спокойно встретить гонца.

— Ш-ш-ш, — зашептала она. — Все хорошо, малыш. Ш-ш-ш.

Иногда унять его удавалось легко. В хорошие ночи, нашептывая ребенку бессмысленные слова утешения, Адер воображала, что за нее говорит другая: старше, уравновешеннее, увереннее — другая мать, ничего не понимающая в политике и финансах, едва умеющая считать, зато сердцем чуявшая, как вылечить разболевшийся животик. Но много чаще она сознавала себя растерянной и неумелой, разрывалась между любовью к крошечному дитяти и ужасом от своего бессилия. Она прижимала его к себе, без конца шептала на ухо, и он, всхлипнув, затихал на время. Но стоило ей решить, что буря миновала, стоило заглянуть ему в лицо, как его грудь снова наполнялась воздухом, маленький рот раскрывался в крике и слезы опять лились ручьем.

У сына были ее глаза. Заглядывая в них, когда ребенок плакал, она будто смотрела в горное озеро и видела светящиеся под водой золотистые угли. Адер не знала, так ли выглядят ее глаза, когда она плачет. Она давно не плакала.

— Ш-ш-ш, мой маленький, — шептала она, тихонько поглаживая пальцами его щеку. — Все хорошо.

Санлитун наморщил личико, забился в пеленках, снова заорал и вскоре утих.

— Все хорошо, — повторила Адер.

И только вернувшись к окну, разглядев освещенного луной всадника, поняла, что ошиблась. Ничего хорошего. Может быть, сын раньше ее узнал этого человека. Может быть, его разбудил не ночной холодок; может быть, душа младенца узнала отца — кшештрим, кенаранга, полководца ее усыхающей империи, убийцу ее отца; может быть, смертельного врага и наверняка — единственного ее союзника. Ран ил Торнья шагал через двор, оставив запаленную лошадь конюху. Он поднял голову, встретил ее взгляд и небрежно, едва ли не пренебрежительно вскинул руку в воинском приветствии.

Его неожиданное появление встревожило бы ее и днем, а сейчас был не день. Миновала полночь. Адер закрыла ставни, постаралась унять внезапную дрожь, выпрямила спину и повернулась лицом к двери, спеша до его появления совладать с лицом.

— Ты бы приказала выпороть стражников у ворот, — заговорила ил Торнья, едва закрыв за собой дверь. — Или казнить. Они убедились, что я — это я, а мою охрану пропустили не глядя.